

После восьмидесятого мечевого строя на Янь Жунъи не осталось ни одного живого места.

Прижимая к спине Сестру Бай Лю, он стоял на коленях в окровавленном снегу. Израненные, онемевшие пальцы сжимали остывающее запястье девушки. Едва ощутимый, нитевидный пульс показался ему одинокой искрой среди бескрайней, выжженной пустоши.

«Ещё немного, — пронеслось в голове Жунъи. — Совсем чуть-чуть, и я увижу учителя».

Однако едва сложился восемьдесят первый строй, как в самом его сердце возник полупрозрачный силуэт Почтенного Чэнъина. Этот дух меча, порождённый волей и смертоносным замыслом самого создателя формации, не был настоящим Линь Цзюшэнем. Но для изнурённого, обессилевшего Янь Жунъи бесплотный фантом казался куда страшнее своего творца.

И всё же отступить было некуда.

Поправив за спиной Бай Лю, Жунъи потуже затянул пропитанные кровью полосы ткани.

— Не бойся, — прошептал он. — Пробьёмся через этот строй — и мы у учителя.

В ответ девушка лишь омыла его плечо горячими слёзами.

Подняв дрожащую правую руку, с которой стекали багровые капли, Жунъи зажал клинок под мышкой и смахнул с лезвия алый след.

— Учитель...

На его губах заиграла горькая ухмылка:

— Если мне сегодня не суждено пробиться, что ж...

Остаток фразы потонул в тяжелом вздохе. Сжав зубы, Янь Жунъи ринулся на безучастного духа меча, волоча за собой обессилевшую девушку.

Движения его потеряли былую лёгкость, замах стал тяжёлым и скованным, но неукротимый, разящий дух клинка в его руках оставался прежним.

Два потока силы с оглушительным гулом столкнулись среди метели. Окровавленную фигуру Жунъи отбросило назад почти на сотню шагов. Подняв тучу снежной пыли, он кое-как удержался на ногах, вогнав клинок по самую рукоять в сугроб. Бесплотный же дух даже не пошевелился — лишь изящным, выверенным движением вернул меч в ножны.

— А ведь тяжело... — пробормотал Жунъи, счищая со лба налипший снег.

И немудрено: его наставник, Почтенный Чэнъин, Линь Цзюшэнь, прослыл первым мечником Поднебесной. Бесплотному фантому, сотворённому из его воли, хватило одного движения руки, чтобы едва не разорвать Янь Жунъи на куски.

— Вот только... — Понимая всю безнадёжность схватки, он опустил голову и тихо, сухенько рассмеялся: — Мне ведь и не нужно побеждать тебя.

Его единственной целью было пробить строевую преграду.

Развязав ремни, он с бережной осторожностью уложил Бай Лю на сугроб, после чего выудил из широкого рукава изрядно истрепавшийся мешочек Цянькунь.

— Дело дрянь. Если Ваншуй увидит, во что я превратил его подарок, соснёт кровушки — вовек не отмоешься, — вслух причитал Жунъи, однако действовал без всякой жалости: ухватив мешочек за донышко, он бесцеремонно вытряхнул всё содержимое прямо на снег.

На белое покрывало высыпались пестрые нефритовые флаконы и духовные артефакты. Любое из этих сокровищ в бренном мире могло бы стать причиной кровавой междоусобицы.

Но юноша лишь пренебрежительно отмахнулся от бесценных снадобий. Порывшись в куче артефактов, он наконец извлёк на свет самый невзрачный, серый лоскут ткани и облегчённо прижал его к груди:

— Повезло. Я так и знал, что не потерял.

Быстро прошептав заклинание, он подбросил лоскут над головой Бай Лю.

Ткань взмыла в воздух и распустилась полупрозрачной дымкой, бережно укутав угасающую девушку.

— Это покров, подарок учителя. Его даже Меч Чэнъин не пробьёт с первого удара, — ласково промолвил Жунъи, коснувшись невесомой материи, трепетавшей на ледяном ветру. — Теперь ты в безопасности. Даже если мне не удастся сокрушить последний строй, под этой защитой ты дождёшься наставника.

Бай Лю лишь отчаянно мотала головой. Истёкшая кровью, она не могла вымолвить ни слова; её пальцы бессильно цеплялись за настороженный наст, а в застывших глазах читалось безутешное отчаяние.

Она молила его уйти.

Она проклинала его за упрямство — за то, что он решил сжечь собственную духовную суть ради её спасения.

— Ну-ну, тихо, — Янь Жунъи опустился подле неё на корточки. Сделав вид, будто не замечает жгучей обиды и слёз в её взгляде, он погрузил окровавленные кисти в сугроб и тёр их до тех пор, пока с пальцев не сошла алая корка. Лишь после этого он аккуратно убрал с её лица слипшиеся пряди. — Подумаешь, какой-то мечевой строй. Даже если твой Брат Янь не сможет его сломить, умереть он тебе всё равно не позволит.

Но сил у него почти не оставалось. Прошло всего пару мгновений, а под его ногами уже натекла алая лужа.

Не в силах больше смотреть на это, Бай Лю зажмурилась и отвернулась. Слёзы, застывшие на её ресницах, превратились в мелкие ледяные крошки.

— Ну, я пошёл, — Жунъи с мягкой усмешкой погладил её по голове.

Перед глазами невпопад всплыли воспоминания: вот эта девчушка впервые ступает на земли Школы Гор Фушань. Совсем кроха, она судорожно цепляется за рукав Брата Бай Шуана и, семеня ногами, бредёт по Даосской арене Тайцзи.

Тогда он ещё повернулся к Ваншюю и с изумлением спросил: «И как только у Бай Шуана сердце не разрывается?»

Как у него поднялась рука отдать такую нежную, хрупкую сестрёнку на суровое выучение?

«Даю зуб, не пройдёт и трёх дней, как она со слезами и воплями побежит обратно!» — божился тогда Янь Жунъи.

Однако минул третий день, за ним — недели и годы, а Сестра Бай Лю так и осталась в Школе Гор Фушань.

А сам Жунъи с тех пор больше всего на свете стал бояться её слёз.

Ведь стоит девчонке хоть каплю слезы ронить — и Брат Бай Шуан три дня и три ночи будет гонять его по горам с обнажённым клинком.

С той поры Жунъи за версту обходил малявку. Раз уж связываться выходило себе дороже, проще было держаться подальше, верно?

Но нынче отступить было некуда.

Янь Жунъи сжал рукоять и снова шагнул навстречу бесстрастному духу.

За его спиной беспомощно лежала самая изнеженная из младших учениц Школы Гор Фушань.

Прикрыв глаза, он мысленно обратился к древним сутрам Школы Гор Фушань. Духовная ци в его даньтяне закружилась в бешеном, разрывающем жилы вихре.

Вокруг него с треском начали распускаться белоснежные бутоны — слепящие вспышки духовной энергии, подобные лотосам из льда и пламени, волной разошлись до самого горизонта.

И в то же мгновение метель замерла.

Янь Жунъи резко распахнул глаза. Сияющие лотосы детонировали, и его силуэт вместе с лавиной ледяных осколков метнулся к духу меча.

Всё верно.

Он и не думал побеждать создание своего наставника.

С самого начала он решил иное: пожертвовав всем своим накопленным духовным развитием, подорвать собственный даньтянь и разрушительной волной разнести восемьдесят первый строй вдребезги.

Коль не под силу пробить формацию — смету её вместе с собой.

Отчаянный, безумный шаг... но иного выбора судьба ему не оставила.

<http://bllate.org/book/20430/2132358>